

ЧАСТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ ИНСТИТУТ

Г. Б. Гутнер

ФИЛОСОФИЯ

АНТИЧНЫЕ МЫСЛИТЕЛИ

*Учебник для студентов теологического, религиозического
и других гуманитарных направлений и специальностей
высших учебных заведений*

Свято-Филаретовский институт
Академический проект
Москва • 2016

УДК 1(091)
ББК 87.3
Г 97

Рекомендовано Ученым советом СФИ

Рецензенты:

А. Н. Кричевец, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова

В. А. Шапошников, канд. философских наук, зав. кафедрой философии естественных факультетов философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Гутнер Григорий Борисович

Г 97 Философия : Античные мыслители : Учебник для студентов теологического, религиоведческого и других гуманитарных направлений и специальностей высших учебных заведений. — М. : Свято-Филаретовский православно-христианский институт : Академический проект, 2016. — 344 с.

ISBN 978-5-89100-130-5

ISBN 978-5-8291-1883-9

Учебник подготовлен на основе лекций и семинарских занятий, которые автор на протяжении 15 лет проводит в Свято-Филаретовском православно-христианском институте. В книге предпринята попытка проследить за развитием свободной мысли, впервые в истории европейской цивилизации обратившейся к себе и пытавшейся решать все новые и новые задачи. Решение одних задач незамедлительно приводит к появлению новых. Именно движение мысли, ее открытия и ее тупики являются предметом рассмотрения в данной книге.

В отличие от многих учебников по истории философии, в которых в хронологическом порядке пересказываются мнения («доксы») разных мыслителей, в книге прежде всего идет поиск ответа на вопрос, как мыслил тот или иной философ, а не что он утверждал. Читатель не найдет в учебнике изложения всех философских доктрин или теорий, возникших в античности. Однако по мере чтения у него возникнет представление о том, сколь серьезные проблемы возникали перед мыслителями того времени, и он в той или иной мере будет вовлечен в движение мысли, пытавшейся их решить.

Учебник предназначен для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки «Философия» (47.03.01), «Прикладная этика» (47.03.02), «Религиоведение» (47.03.01), «Теология» (48.03.01) и другим гуманитарным направлениям и специальностям.

ISBN 978-5-89100-130-5

ISBN 978-5-8291-1883-9

© Гутнер Г. Б., 2016

© Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2016

© Академический проект, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 7

Введение 13

Часть I • Эллинская философия: от Фалеса до Аристотеля 17

Теоретическое знание и рождение философии 19

Глава I • Первые шаги греческой философии 24

1.1. Фалес 24

1.2. Анаксимандр 25

1.3. Гераклит 27

1.4. Парменид и Зенон 30

Контрольные вопросы к главе I 36

Глава 2 • Пифагорейская школа 37

2.1. Пифагорейская теория музыки 40

2.2. Пифагорейская космология 44

2.3. Пифагорейская математика 47

Контрольные вопросы к главе 2 57

Глава 3 • Атомизм 58

Контрольные вопросы к главе 3 62

Глава 4 • Софисты и Сократ 63

Контрольные вопросы к главе 4 69

Глава 5 • Платон 70

5.1. Платоновский диалог и «учение» об идеях.

Предварительные замечания 71

5.2. Бытие и небытие. Диалог «Софист» 76

5.3. Единое и многое. Диалог «Парменид» 82

5.4. Предел и беспредельное. Понятие о числе. Диалог «Филеб» 96

5.5. Философия как совершенное знание.

Диалог «Государство» 98

5.6. Идея блага и беспредпосылочное знание 101

5.7. Платоновская космология («Тимей») **112**

5.8. Заключительные замечания **125**

Контрольные вопросы к главе 5 **127**

Глава 6 • Аристотель **128**

6.1. Вводные замечания. Метод Аристотеля и задачи исследования **128**

6.2. Естествознание Аристотеля **132**

6.2.1. Космология **132**

6.2.1.1. Различие надлунного и подлунного миров.

Простые движения и элементы **132**

6.2.1.2. Четыре стихии и структура подлунного мира **137**

6.2.1.3. Надлунный мир. Вечное движение сфер **144**

6.2.2. Общая теория движения («Физика») **145**

6.2.2.1. Общие характеристики движения **145**

6.2.2.2. Четыре причины движения **149**

6.2.2.3. Движение по природе и движение по принуждению **150**

6.2.2.4. Вопрос об источнике движения.

Неподвижный Перводвигатель **151**

6.2.2.5. Бесконечность **155**

6.2.2.6. Место. Космос как система мест и невозможность пустоты **157**

6.2.2.7. Время. Непрерывность движения и времени **161**

6.3. Психология Аристотеля («О душе») **164**

6.3.1. Общее понятие о живом существе. Душа и тело **165**

6.3.2. Растительная душа **166**

6.3.3. Чувствующая душа. Ощущение и воображение **167**

6.3.4. Разумная душа **170**

6.3.4.1. Ум как способность. Независимость ума от тела **170**

6.3.4.2. Действующий и претерпевающий ум **172**

6.3.4.3. Следствия для теории познания **174**

6.4. Политика и этика **177**

6.4.1. Собственность и рабство **178**

6.4.2. Досуг и отдых **180**

6.4.3. Политическая жизнь **181**

6.4.4. Этика **186**

6.4.4.1. Предварительное определение счастья **186**

6.4.4.2. Нравственные добродетели. «Золотая середина» **188**

6.4.4.3. Справедливость **191**

6.4.4.4. Счастье и практическая разумная душа. Дружба **192**

6.4.4.5. Мудрость, досуг и окончательное определение счастья **194**

6.5. Первая философия («Метафизика») 195
6.5.1. Предмет первой философии 195
6.5.2. Логические предпосылки первой философии. Определения сущности 197
6.5.3. Форма и материя 201
6.5.4. Действующая причина и цель 203
6.5.5. Действительность и возможность 205
6.5.6. Ум-Перводвигатель как первое начало 207
<i>Контрольные вопросы к главе 6</i> 211
Итоговые замечания к части I 213
Часть 2 • Философские школы эпохи эллинизма 217
Переход от эллинского периода античной истории к эллинизму 219
Глава 7 • Эпикурейская школа 222
7.1. Эпикурейская физика 222
7.2. Эпикурейская психология 229
7.3. Эпикурейская этика 231
<i>Контрольные вопросы к главе 7</i> 234
Глава 8 • Стоическая школа 235
8.1. Логика стоиков 236
8.1.1. Задачи логики и ее основные разделы 236
8.1.2. Впечатление как основа познания 237
8.1.3. Учение о «лектонах» 239
8.1.4. Суждение 241
8.1.5. Силлогизмы 242
8.2. Физика стоиков 244
8.2.1. Общие контуры стоической космологии. Учение о началах и элементах 245
8.2.2. Судьба и причинность. Связь логики и физики 247
8.2.3. Причинность и свобода 249
8.2.4. Учение о душе 252
8.3. Стоическая этика 253
8.3.1. Основной постулат этики. Связь этики с логикой и физикой 253
8.3.2. Добродетель и порок 255
8.3.3. Нравственный и политический идеал стоиков 259
<i>Контрольные вопросы к главе 8</i> 262

Глава 9 • Скептическая школа	263
9.1. Скептическая критика познания (логика)	265
9.1.1. Классификация явлений	265
9.1.2. Десять тропов	266
9.1.3. Скептическая трилемма	269
9.1.4. Скептическая критика силлогизма	271
9.2. Скептическая критика физических воззрений	273
9.2.1. Критика рассуждений о Боге	274
9.2.2. Критика основных физических понятий	275
9.3. Скептическая этика	279
9.4. Сила и слабость скептической аргументации	281
<i>Контрольные вопросы к главе 9</i>	283
Глава 10 • Философия платоновской школы	285
10.1. Скепсис в Академии	286
10.2. Проблемы платоновско-пифагорейской традиции	288
10.3. Вопрос о возникновении Космоса	290
10.4. Вопрос об идеях	292
10.5. Первообраз и Демиург	296
10.6. Душа	300
<i>Контрольные вопросы к главе 10</i>	302
Глава 11 • Плотин	303
11.1. Вводные замечания	303
11.2. Душа и тело человека	306
11.3. Душа и тело Космоса	309
11.4. Материя	313
11.5. Душа и души	315
11.5.1. Деятельность души. Созерцание и творение	316
11.5.2. Время и вечность	318
11.5.3. Познание внешнего мира. Вопрос о претерпевании души	321
11.5.4. Единство Души и познание внутреннего мира	324
11.6. Ум	326
11.7. Единое, или Благо	331
<i>Контрольные вопросы к главе 11</i>	334
Итоговые замечания к части 2	335
Литература	338
Именной указатель	341

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наше время характеризуется избытком информации, а не ее недостатком. Поэтому каждый читатель, беря в руки очередную книгу, хотел бы знать, почему именно ее ему стоит прочесть. Среди бесчисленных учебников по философии господствуют две крайности. Одни авторы «кормят» читателя «винегретом» из банальностей и мало вразумительных общих мест, которые кочуют из книги в книгу; к ним привыкают, так и не поняв в полной мере. Другие — предлагают настолько уникальный подход, что разделить его с автором в качестве мыслительного опыта становится почти невозможным. Книга Г. Б. Гутнера не принадлежит ни к одной из названных категорий: с одной стороны, она весьма оригинальна, с другой — на редкость убедительна и общезначима в своих выводах.

Что перед нами? Еще один учебник по истории античной философии? В чем специфика и место его среди других подобных книг? Во избежание недоразумений сразу отметим: это вообще не учебник по истории философии в традиционном понимании, т. е. это не пересказ существовавших доктрин в хронологическом порядке. Уже из оглавления видно отсутствие в книге обсуждения, например, ряда ранних греческих мыслителей, малых сократических школ (в том числе киников), перипатетической школы и неоплатонизма после Плотина. Около двух третей объема книги посвящено пифагорейско-платонической традиции (в которую включен и Аристотель, ему посвящена самая большая в книге глава). Тем, кто ищет полной исторической картины античной мысли, лучше обратиться к книгам, написанным в жанре традиционной истории философии¹.

Сам Г. Б. Гутнер, характеризуя свой подход, подчеркивает интерес не столько к доктринальным выводам греческих мыслителей, сколько к их методу рассуждения и полемике друг с другом, ссылаясь при этом на школу В. С. Библера (наст. изд., с. 336). Его интересует «движение мысли, ее открытия и ее тупики», «важнейшие темы, проблемы

1. Из вышедших в последние годы на русском языке книг хотелось бы порекомендовать французский двухтомник 1997 г. под редакцией М. Канто-Спербер (рус. пер.: Греческая философия : В 2 т. М. : ГЛК. Т. 1. 2006. Т. 2. 2008).

и мыслительные ходы» (наст. изд., с. 16), а не претендующие на законченность теории древних, веру в которые мы все равно не готовы с ними разделить. В данном случае один философ критически читает другого философа, будучи озабочен решением тех же проблем, которые беспокоили этого последнего; он всерьез включается в диалог, который вели между собой античные мыслители. В этом отношении его книгу уместнее сравнивать не с книгами филологов-классиков и профессиональных историков античной философии, а с работами А. В. Ахутина (ученика В. С. Библера), например с «Античными началами философии» (2007). Здесь также речь идет о принятии античных мыслителей всерьез и о «философском вдумывании» в ход их рассуждений. «Философски понять философа, — пишет А. В. Ахутин, — значит не только понять, что он говорил, но услышать, что он продолжает говорить, еще может сказать, — вступить с ним в разговор по сути дела»². В результате возникает текст, который есть «отчет об опыте понимания»: не более, но и не менее.

Оригинальность книги Г. Б. Гутнера во многом проистекает из того, что он напряженно и всерьез размышляет над проблемами, мучившими античных мыслителей, шаг за шагом проверяет на доброкачественность предлагаемые ими рассуждения. В результате в книге чувствуется пульс живой мысли, ведь она следует не столько тексту античного автора, сколько внутренней логике его мышления. В результате привычные концепции античных мыслителей оказываются изложенными непривычным образом, а затершиеся от бесчисленных пересказов теории предстают в новом свете. Это и не удивительно, ведь представленное в книге есть результат диалога автора с древними философиями, их сотворчества.

Кроме того, за текстом книги Г. Б. Гутнера стоит многолетний опыт чтения лекций по античной философии в Свято-Филаретовском православно-христианском институте и в других учебных заведениях. Это опыт чтения философии, как принято говорить, «неспециалистам», т. е. людям, не являющимся и не собирающимся быть профессиональными философиями. Последний момент очень важен. Он учит преподавателя: 1) выделять самое главное, насущное, высвобождая его из моря деталей и второстепенных подробностей; 2) стремиться быть не столько оригинальным и парадоксальным в своих рассуждениях, сколько убедительным для всех; 3) постоянно помнить о необходимости объ-

2. Ахутин А. В. Античные начала философии. СПб. : Наука, 2007. С. 12.

янять слушателям, почему то, о чем идет речь, важно для них. Все три названные момента блестяще реализованы в книге Г. Б. Гутнера.

В этой книге на удивление мало цитат. Поражает также минимализм в использовании комментаторской литературы. Это часть осознанной авторской стратегии. Автор сосредоточен на центральном смысле, а не на букве древнегреческих первоисточников. Он последовательно стремится выделять самое главное и успешно избегает опасности «утонуть» самому и/или «утопить» читателя в море подробностей. Очень сложный материал — например диалог Платона «Софист» — излагается у него кратко, изящно и доступно.

Книга нашего автора достаточно легко читаемая, но не легковесная. Написание ее потребовало весьма серьезных интеллектуальных усилий, за легкостью текста угадывается высокая концентрация мысли. Легкость для читателя оплачена тяжелым авторским трудом. Да и от читателя, желающего следовать за автором, все же требуется серьезное интеллектуальное соучастие. Альберту Эйнштейну приписывают афоризм: *Everything should be made as simple as possible, but not simpler* («Все должно быть сделано просто, насколько это возможно, но не проще»). Это удачный лозунг для автора любого учебника. Г. Б. Гутнер не приносит серьезность и многогранность обсуждаемых им вопросов в жертву доступности. Эти серьезность и многогранность, напротив, выступают при чтении книги тем отчетливее, чем решительнее он концентрируется на главном. Кстати, отметим, что основные темы античной мысли, которые находятся в центре внимания автора, связаны в первую очередь с онтологией (учением о бытии), теорией познания, этикой и отчасти примыкающей к ней политической теорией. Именно развитием центральных тем в этих областях и его логикой определяется выбор персонажей, текстов и порядок их рассмотрения в книге. Чаще всего этот порядок совпадает с историческим порядком, но все-таки не всегда.

Важность изучения философии Г. Б. Гутнер связывает с тем, что философия — это наиболее чистый вариант теоретического знания, а теоретическое знание — это плод свободной мысли, т. е. такой мысли, которая не является непосредственным инструментом для удовлетворения практических нужд. Свободная мысль вообще и философия в особенности — древнегреческое детище³, рожденное в традициях

3. Мы не случайно до сих пор используем для ее наименования все то же греческое слово!

гражданской свободы и человеческого достоинства; последние вместе сформировались в полисе классической эпохи и тесно связаны между собой (наст. изд., с. 13–16). С учетом исторической перспективы автор предлагает нам признать, что философия, пусть и опосредованно, оказывается полезной и для практических нужд, хотя решить все стоящие перед человеком задачи и сделать его счастливым она не способна. И все же именно она позволяет «сохранить достоинство человека как свободного мыслящего существа» (наст. изд., с. 337). Весьма показательным в этом отношении обсуждение взглядов Аристотеля на природу восточных деспотий (наст. изд., с. 185). Итак, автор обращает особое внимание на связь философии с человеческой свободой и достоинством. В этом ее непреходящая ценность для всякого человека и ее *raison d'être* в качестве дисциплины в системе высшего образования. Это не единственно возможная, но достаточно убедительная точка зрения.

В связи со спецификой аудитории СФИ хотелось бы обратить также внимание на один частный аспект этой свободы философской мысли. Это свобода по отношению как к религиозным практикам, так и к связанной с ними специфической форме теоретизирования — богословию. Г. Б. Гутнер отказывается признать философию «служанкой богословия», хотя он и убежден в полезности философии для теологии и религии (несмотря на определенные опасения, всегда существовавшие со стороны последних). Однако как философ он взвешенно и бережно строит свои отношения с этой сферой. Например, он стремится аккуратно отделить в Плотине философию от мистики, ограничиваясь обсуждением первой (наст. изд., с. 306).

В обсуждаемой книге мы имеем дело не столько с историей философии, сколько с философствованием через историю и в истории. Отношения философии с историей куда более глубокие и кровные, чем, например, у науки. Диалектика как подлинный философский метод есть включенность в диалог, продолжающийся в истории со времен Сократа и Платона. Философ работает с особыми концептами, обремененными богатой родословной. Для понимания того, что он делает, жизненно важно знание генеалогического древа этих концептов во всей его исторической уникальности. Поэтому обращение к истории, и в особенности к собственным началам и истокам в древнегреческой культуре, жизненно важно для дела философствования. Диалог с античными мыслителями позволяет автору высветить ряд особо важных для него тем. Каких именно тем, уважаемый читатель узнает,

прочтя эту книгу. Отмечу лишь, что красной нитью через всю книгу проходит тема ясности: ясность понимания как цель философского мышления.

Главная задача образования, как известно, — учить мыслить самостоятельно⁴, а не просто сообщать сумму информации и технических навыков. К философскому образованию это относится в особенности. Учитель может достичь этой цели, лишь демонстрируя ученикам живое философское мышление в собственном лице и подспудно приобщая их к этому непростому искусству. Высокая концентрация и свобода мысли способна зачаровывать и увлекать за собой. Эта книга для тех, кто имеет мужество учиться мыслить самостоятельно.

*В. А. Шапошников, канд. философских наук,
зав. кафедрой философии естественных факультетов
философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова
Июль 2015*

4. В свое время эта идея была убедительно представлена Э. В. Ильенковым в статье «Школа должна учить мыслить!» (1964). См.: Ильенков Э. В. Школа должна учить мыслить. М. : МПСИ, 2002. С. 6–55.

Философу свойственно испытывать изумление.
Оно и есть начало философии.

Платон

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга написана на основе лекционных и семинарских занятий, которые автор на протяжении пятнадцати лет проводил в Свято-Филаретовском православно-христианском институте.

На этих занятиях мы пытались освоить основную философскую проблематику и некоторые приемы философского анализа, познакомиться с базовыми философскими категориями. Достижение этой цели предполагает понимание самого движения философской мысли, раскрытие ее внутренней логики. Поэтому как при изучении курса, так и при написании учебника применялся исторический подход как наиболее адекватный и плодотворный. Я исходил из того принципа, что понять философию можно только понимая мысль философов, делая попытки мыслить вместе с ними. В этой книге философские проблемы, методы и категории рассматриваются в контексте тех исторических эпох, в которые они возникли, и в рамках философского рассуждения, проводимого конкретными мыслителями. Таким образом, не будучи вырваны из контекста рассуждения, философские темы и подходы к ним, философские категории усваиваются не в виде набора произвольных и лишенных авторства суждений (на практике часто сформулированных с сильной идеологической подоплекой и, соответственно, не имеющих собственно философского смысла), а на твердом основании конкретных представлений о развитии философской мысли. Я полагаю, что именно так следует изучать философию тем, кто намерен в дальнейшем специализироваться в сфере гуманитарного знания, теологии — а, возможно, и естественных наук. Для работы во всех этих областях необходимо иметь навык рефлексии, способность широко, свободно и критически мыслить. Ради приобщения к такому мышлению и следует изучать философию.

При этом мы ограничиваемся изучением античных мыслителей. Представляется, что они задают классические образцы философствования, пытаются решать те проблемы, которые инициировали развитие европейской философии вплоть до нашего времени. Философия — это греческое произведение. Ее изучение с необходимостью требует приобщения к мысли тех людей, с интеллектуального подвига которых началась европейская цивилизация. Не исключено, что эта цивилизация

в каком-то смысле выросла на философских дрожжах. Из трех тысяч лет ее истории (если считать с того момента, когда на обломках крито-микенских царств стали подниматься полисы классической Греции) философия существует как минимум две с половиной тысячи лет. В самом деле, Греция подарила нам две замечательные традиции: традицию философской мысли, во-первых, и традицию гражданской свободы и человеческого достоинства, во-вторых. Я полагаю, что эти две традиции внутренне глубоко связаны. Во всяком случае именно в Греции возникает особое явление, которое я бы назвал свободной мыслью.

Человек, как правило, прибегает к интеллектуальным усилиям для решения каких-либо насущных задач. Мысль обслуживает практику. Насущные задачи имеют самый разный характер. Они рождаются в повседневной жизни, в трудовой и хозяйственной деятельности человека. Они появляются в сфере власти, т. е. там, где одни люди управляют другими, создавая государство, издавая законы, отдавая приказы. Кстати, именно в Греции эта сфера приобрела особый характер и получила название *политики*. Практические задачи, наконец, появляются при общении человека с тем, что он почитает как нечто высшее, т. е. в религиозной сфере. Эти три типа задач хорошо известны всем народам (прекрасно были знакомы с ними и греки). Никто не подвергает сомнению их важность. Но тем не менее греки, по крайней мере некоторые из них, начали ставить задачи совсем иного рода. Их особенность состояла в том, что они исходили от самой мысли. Впервые мысль, вместо того чтобы обслуживать какие-либо практики, попыталась действовать самостоятельно, она стала ставить себе задачи сама, а не получать их извне. Это выразилось в феномене теоретического знания, о котором мы подробно будем говорить далее в этой книге. Сейчас скажу лишь, что первым шагом такого обращения мысли к себе стало появление наук, таких, например, как астрономия, музыка, геометрия или арифметика. Эти науки были нацелены на поиск истины, а не на практическое приложение. Философия представляет собой предельный случай теоретического знания, когда поиск истины превращается в поиск первых начал всего сущего.

Нельзя сказать, что появление свободной мысли было встречено с радостью. Для людей практических эта мысль, не обремененная никакими узами утилитарности, часто казалась (и кажется сейчас) чем-то сомнительным. Для тех, кто озабочен повседневными проблемами, кто занимается ради выживания или ради облегчения жизни ремеслами и торговлей, свободная мысль предстает праздным заня-

тием, не сулящим никакой пользы, а потому излишним. Для тех, кто облечен властью, она может показаться даже вредной, поскольку хочет понять сущность этой власти, а следовательно, ее границы и законность ее притязаний. Подобную опасность представляет она и для религии, так как ставит вопрос об истоке богопочитания, а вместе с ним и об осмысленности существующих религиозных обычаев.

Кульминацией негативного отношения к свободной мысли в Древней Греции явилась казнь Сократа. Интересно, что суд над ним стал делом рук «обычных людей», получивших политическую власть и обвинивших его в непочтительном отношении к богам. Впрочем, реакция на философию редко доходила до смертных приговоров. Чаще она имела более мирный характер. Все дело в том, что сотрудничество с ней в известное время оказывалось полезным, по крайней мере для трех названных областей. С начала христианской эпохи религия с помощью философии сумела развить осознанное отношение к богопочитанию, выразившееся в продуманных теологических учениях. Политика обогатилась политической теорией. Позже всех смогли удовлетворить свой интерес ремесла и торговля. Но и они не оказались в проигрыше — благодаря развитию теоретической науки и последовавшему вслед за ним развитию техники.

Эти успехи постоянно выводили «практически мыслящих людей» на новый виток в их отношениях со свободной мыслью. Вновь и вновь появлялся (и не перестает появляться) соблазн видеть в мысли инструмент для удовлетворения практических нужд, т. е. отказаться, наконец, от тех идей, которые зародились в свое время в классической Греции. Особенно хорошо это заметно по тому, что философию пытаются сделать то служанкой теологии, то служанкой политики, то вообще упразднить за ненужностью и заменить «позитивной наукой». Возможно, эти намерения в конечном счете будут осуществлены. Не знаю, насколько это будет полезно для решения практических задач, но, безусловно, человеческая свобода потерпит серьезный ущерб.

В этой книге мы попытаемся проследить за приключениями свободной мысли, впервые обратившейся к себе и пытающейся решать все новые и новые задачи. Мысль действует, стремясь к истине и постоянно сталкиваясь с чем-то иным, с тем, что можно назвать миром, реальностью, вне-мысленным. Поэтому решение одних задач незамедлительно приводит к появлению новых. Мысль, стремящаяся к ясности, всегда обнаруживает нечто неясное. Именно движение мысли, ее открытия и ее тупики будут предметом нашего рассмотрения.

Часто история философии превращается в доксографию. Многие книги, посвященные этому предмету, просто в хронологическом порядке пересказывают мнения («доксы»¹) разных мыслителей. Именно этого я стремился избежать. Главный вопрос, на который я хотел ответить, не в том, *что утверждал* тот или иной философ, а *как он мыслил*. Поэтому я предпочел не излагать учения даже некоторых известных авторов, а, ограничившись сравнительно небольшим их числом, попытаться, по возможности подробно, вникнуть в логику их мышления. В книге читатель не найдет изложения всех философских доктрин или теорий, возникших в античности. Но я надеюсь, что по мере чтения он увидит, сколь серьезные проблемы возникали перед мыслителями античности, и в той или иной мере будет вовлечен в движение мысли, пытавшейся их решить.

Конечно, наиболее значимые имена в этой книге так или иначе представлены. Это имена тех философов, обращение к которым позволяет, на мой взгляд, увидеть важнейшие темы, проблемы и мыслительные ходы античной философии. Безусловно, об этой философии можно писать с большей подробностью. Так, вне рассмотрения оказался Анаксимен, а из более поздних авторов Эмпедокл и Анаксагор. Кроме того, я завершаю курс изучением философии Плотина, не коснувшись учений более поздних авторов. К счастью, есть достаточно книг, в которых предпринято рассмотрение их теорий. К тому же опубликованы сохранившиеся тексты. Так что читатель может восполнить эти пробелы самостоятельно.

1. От греч. *doxa* — мнение.

ЧАСТЬ 1

**ЭЛЛИНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ:
ОТ ФАЛЕСА ДО АРИСТОТЕЛЯ**

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ И РОЖДЕНИЕ ФИЛОСОФИИ

Чтобы обнаружить исток философской проблематики, необходимо, на мой взгляд, обратиться к событию, случившемуся в Греции где-то в середине I тысячелетия до нашей эры. Это событие — рождение теоретического знания. Из разнообразных рассказов о греческих мудрецах этого времени можно видеть их бескорыстный интерес к окружающему миру. Они изучали движение светил, занимались геометрией, арифметикой, музыкой. Результаты, полученные в ходе этих ученых занятий, возможно, не превосходили достижений их восточных коллег. Астрономия вавилонян и геометрия египтян выглядит более развитой. Однако греческая наука обладала, по-видимому, с самого начала одной особенностью. В Вавилоне движение светил исследовалось ради астрологических предсказаний. В Египте геометрия изучалась преимущественно для нужд строительства, а также, возможно, для разметки полей. Арифметика была важна при хозяйственных и торговых расчетах. Греки, позаимствовав значительную часть своих знаний у египетских и халдейских мудрецов, отнеслись к этим знаниям несколько иначе. Они стали для них предметом бескорыстного интереса. Они сочли важным заниматься этими науками, не ожидая никаких практических результатов, а из любви к истине. Особенность греческой мудрости, в отличие от мудрости восточной, состояла в том, что знание было ценно само по себе. Оно представляло собой не свод практических рекомендаций, а незаинтересованное созерцание, имеющее в самом себе награду для созерцающего.

По-видимому, основным свойством такого созерцания должна быть ясность. Ход и взаимное расположение светил, свойства и отношения чисел или геометрических величин должны предстать уму в рамках завершенной, разом созерцаемой целостности. Поэтому теоретическое познание ориентировано не на добывание фактов, а на движение

вглубь к скрытым свойствам, к прояснению невидимых пока деталей, которые бы позволили эту целостность обнаружить.

Именно поэтому теоретическое знание не может быть догматическим. Если предмет предназначен для использования, нам нужно знать о нем ровно столько, сколько нужно для использования. В этом случае нас не интересует происхождение знания. Нам не важны глубинные свойства предмета, его сущность и связи с другими предметами, не имеющими отношения к нашему делу. Нам будет достаточно, если кто-то, обладающий авторитетом, сообщит нам полезные сведения. Избыточное знание лишь затруднит нашу практику.

Знание, не обремененное практическими требованиями, может позволить себе такую избыточность. Оно должно содержать понимание предмета в его максимальной глубине. Теоретическая наука устремлена к тому, что есть ее предмет поистине, к сущности предмета. Целью познания является ясность, т. е. представление вещи в ее непосредственной данности, как она есть, независимо от всяких субъективных обстоятельств вроде полезности, практической целесообразности и т. п.

Интересным результатом такого подхода к знанию следует, по-видимому, считать появление математических доказательств. Ни в Вавилоне, ни в Египте не считали, что свойства фигур и чисел необходимо доказывать. Практическая ценность математических положений обнаруживается без всяких доказательств. Но сформулированное и не доказанное положение является догмой. Его можно принять и использовать. Однако оно остается непонятным, содержит в себе какую-то нераскрытую тайну, известную лишь посвященным. Практику эта тайна неинтересна, ему не нужно понимание, его интересует лишь возможное применение. Не исключено, что именно так относились к геометрическому знанию в Египте. Математическое положение, известное ныне как теорема Пифагора, хорошо зарекомендовало себя при строительстве. Возможно, оно было сообщено строителям жрецами, носителями тайного знания, связанными с богами. Но ясное понимание этого положения возникает в стороне от его практической значимости. Оно приходит тогда,